

Поэтизация топика жанра видения в визионерской поэме П. Буслаева «Умозрителство душевное...» (1734)

Петров А.В.

МОУ «СОШ № 38 им. В.И. Машковцева», г. Магнитогорск, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Колесникова О.Ю.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (ФГБОУ ВО МГТУ им. Г.И. Носова), г. Магнитогорск, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: 373foxy@mail.ru

В статье рассматриваются генетические и типологические связи между силлабической поэмой писателя петровского времени Петра Буслаева «Умозрителство душевное...» и средневековым жанром видения. Основным объектом исследования является топика жанра и его эсхатологически-танатологический мотивный комплекс. Цель работы заключается в анализе «переходной» поэтики произведения, возникающей на стыке двух жанровых систем — Средневековья и раннего Нового времени. Феномен визионерства Буслаев преобразует из бытийного в художественный: посредством принципа-процесса поэтизации качество достоверности в средневековом видении замещается в барочной поэме вымыслом и условностью; каноническая топика — аллегорической образностью и риторическими приемами и т. д. Рождается первая в нашей поэзии визионерская метафизическая поэма — жанр, в котором русские писатели будут пытаться узреть «духовными очами» «иной мир» и те невидимые Силы, которые его населяют.

Ключевые слова: жанр видения, визионерская метафизическая поэма, Петр Буслаев, топика, поэтизация, танатология, «иной мир», барокко.

Для цитаты: *Петров А.В., Колесникова О.Ю.* Поэтизация топика жанра видения в визионерской поэме П. Буслаева «Умозрителство душевное...» (1734) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99. DOI:10.17759/langt.2023100208

Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)

Aleksey V. Petrov

Secondary Educational School № 38 named after V.I. Mashkovtsev, Magnitogorsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

Olga Yu. Kolesnikova

Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

The article examines the genetic and typological connections between the syllabic poem of the writer of Peter's time Petr Buslaev «Spiritual Vision...» and the medieval genre of vision. The main object of the study is the topoi of the genre and its eschatological and thanatological motif complex. The purpose of the work is to analyze the «transitional» poetics of the writing arising at the junction of two genre systems — the Middle Ages and early Modern Times. The phenomenon of visionary Buslaev transforms from the existential into the artistic: through the principle-process of poetization, the quality of authenticity in the medieval vision is replaced in the Baroque poem by fiction and convention; canonical topoi — allegorical imagery and rhetorical techniques, etc. The first visionary metaphysical poem in our poetry is being born — a genre in which the Russian writers will try to see with «spiritual eyes» the «afterlife» and those invisible Forces that inhabit it.

Keywords: genre of vision, visionary metaphysical poem, Petr Buslaev, topoi, poetization, thanatology, afterlife, baroque.

For citation: Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu. Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99. DOI:10.17759/langt.2023100208 (In Russ.).

Степень разработанности проблемы. Постановка задач

Последнее, по-видимому, крупное произведение русской силлабики — барочная поэма Петра Буслаева «Умозрительство душевное, описанное стихами, о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой, изданное в Москве 1734, генваря в 20 день чрез усерднейшаго слугу ея Петра Буслаева» [16, с. 288-299] — примечательно во многих отношениях. Достоинства его заслуженно были отмечены литераторами XVIII — первой половины XIX в. (В.К. Тредиаковский, Н.И. Новиков, Н.М. Карамзин, К.С. Аксаков и др.); фрагментарные наблюдения над его формой и содержанием были сделаны в 1970-1980-е гг. [3, с. 451-459; 11]; углубленное изучение поэмы начинается в 2000-е гг. [1, с. 196-212; 7; 17; 18]. Современных исследователей интересуют два вопроса:

- 1) «общий» — историко-литературный: место «Умозрительства душевного» в контексте литературы барокко и русского литературного процесса 1720-1730-х гг.;
- 2) «частный» — поэтологический: специфика и формы выражения авторского «я» в автопримечаниях П. Буслаева к тексту поэмы и их функции.

На удивление, вне фокуса исследовательского внимания остались жанровая природа «Умозрительства душевного» и ее генезис. В этом произведении осмысляется танатологически-эсхатологический комплекс идей и проблем (см. о нем [19]), и, соответственно, его жанровая природа многослойна и восходит к целому ряду архаических и средневековых жанров, трактующих вопросы смерти и посмертного бытия [19, с. 12-16]. Среди них — житие, плач/заплачка, «слово на смерть/погребение», эпитафия, элегия «на смерть», синодик. Все они привносят в «Умозрительство душевное» собственную топику

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топика жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

и/или мотивику. Однако центральным жанром, на который ориентируют название поэмы, ее сюжет и топика, является, по нашему мнению, видение.

Интерес к жанру видения и к танатологически-эсхатологической тематике в литературе заметно возрос в нашей науке в последние два десятилетия. Среди немалого числа современных ученых, обращавшихся к указанной научной проблематике, наиболее авторитетными для нас являются И.В. Дергачева, В.В. Мильков и А.В. Пигин [4; 5; 14; 19].

В данной статье нас будут интересовать те генетические и типологические связи, которые существуют между жанром видения, а именно его топикой, и поэтикой нового, формирующегося в русской литературе жанра — визионерской метафизической поэмы (см. [12; 13]). Поскольку «Умозрительство душевное» — произведение переходного периода, то речь пойдет о «диалоге» двух типов жанровых систем — средневекового и новоевропейского (барокко), а следовательно, о «принципах-процессах». Данный термин введен в науку В.А. Луковым и И.В. Вершининым в рамках развивавшегося ими историко-теоретического метода и обозначает «*категории, которые передают представление о становлении, формировании, развитии принципов литературы, усилении некой тенденции*» [9, с. 60]. Один из таких принципов-процессов — «поэтизация», под которой мы понимаем «перевод» с одного «языка культуры» на другой, в случае с «Умозрительством душевным» — с языка прозаического жанра древнерусской письменности на язык барочной поэмы Нового времени.

Наши задачи состоят в том, чтобы

- 1) выделить в поэме топик жанра видения;
- 2) обнаружить приемы и способы ее поэтизации, т.е. трансформации-перевода в поэтическую форму, а также художественные результаты этого процесса в рамках жанра визионерской поэмы.

В понимании термина «топос» мы опираемся на работу немецкого филолога Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948). В ней он определяет топосы как «*отвлеченные темы, способствующие желаемому развитию или изменению мысли*» [8, с. 157]; «тематический каталог»; «предписанные формулы» для развития той или иной темы, находящиеся в определенном месте текста [8, с. 169-170].

Репрезентация авторского «я»

«Умозрительство душевное» состоит из двух частей, каждая по девять главков, по 100 двустиший (всего в поэме 400 строк), а также из прозаических автокомментариев. В первой части Буслаев натуралистически описывает предсмертную агонию баронессы М.Я. Строгоновой — ее мучения в мире земном, ее смерть и похороны; параллельно, в соответствии с христианской дихотомической картиной мира [4, с. 58; 5; 19, с. 21-34], он изображает пребывание «души Марии» в «ином мире». Вторая часть поэмы имеет название «О возшествии души ея в небо с следующими добродетельми» и, по сути, целиком представляет из себя видение: восхождение души Марии на небо по «лестнице» и предстояние, вкуче с пятью ее Добродетелями, перед насельниками того света. Хотя слово «рай» в поэме не используется ни разу, его многочисленные словесно-образные эквиваленты не оставляют сомнения в том, что именно туда попадает душа Марии.

Все эти визионерские картины увидены, по сюжету, «душевыми очами» автора, родственников М.Я. Строгоновой и всех собравшихся при ее кончине. Иными словами, автор описывает коллективное видение:

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

Душ своих очи остро все тогда раскрыли.

Телесны от слез слепы, душевны ж смотрили.

Здесь мы имеем дело с двумя топосами жанра видения, связанными с характером достоверности духовидческого рассказа и степенью вовлеченности в него самого духовидца: 1) основу видения всегда составляют «подлинные рассказы реальных лиц о своем мистическом опыте»; 2) типичная форма повествования в видении — от лица самого визионера либо от некоего доверенного лица; тексты могут быть написаны также от 3-го лица [14, с. 163-165]. В «Умозрительстве душевном» эта топика подвергается трансформации — поэтизации.

Древнерусский книжник, вероятно, сделал бы героем-визионером саму М.Я. Строганову, ибо это ее, праведницы, душа поднимается на небеса и ведет разговоры со Христом и насельниками рая. П. Буслаев, учившийся в Славяно-греко-латинской академии в конце 1720-х гг. и служивший некоторое время диаконом в Кремлевском Успенском соборе, наверняка был знаком с апокрифическими эсхатологическими и визионерскими текстами («Книга Еноха», «Видение пророка Исайи», «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Житие Василия Нового» и др.) (см. о них [4, с. 45-81; 5; 19, с. 21-121]). Однако как автор барочной поэмы он создает сюжет, более близкий житийной литературе, хотя и не имеющий прямых аналогов в средневековой словесности. Такая задача требовала как минимум нового подхода к репрезентации и формам выражения авторского «я».

В средневековых видениях личность автора внешне в тексте никак не проявляется, отсутствует в них и «авторская рефлексия» [14, с. 165], тем не менее коллективное духовидчество жанру не известно. П. Буслаев использует форму повествования от 3-го лица и местоимение «все», при этом очевидно, что он сам является одним из визионеров и уже как автор берет на себя функцию рассказчика об увиденном. В.Б. Зусева-Озкан считает, что П. Буслаев «не репрезентирует себя в качестве поэта, создателя читаемого нами произведения. Таковым он предстает только в автокомментарии, и то косвенно, в третьем лице – отстраненно называя себя “автор”» [7, с. 196-197]. Действительно, формы «я-повествования» в «Умозрительстве душевном» нет — но ведь это и не лирика в привычном нам понимании, и не лирическая поэма. Поэтом Петра Буслаева делает не форма повествования, не саморепрезентация, а, во-первых, вырабатываемый им авторский стиль [2, с. 208]; во-вторых, обращение к художественному вымыслу и многочисленным риторическим приемам (ср. в примечаниях: «зде автор измышленно описует», «описуется зде поэзии измышлением», «анлегорично называется», «так и поетам сия описывать обычай есть», «чрез фигуру поэзии гиперболе» и т. п.).

Вопрос же о том, был ли П. Буслаев духовидцем, остается открытым. Полагаем, что перед нами литературный прием — «измышление» визионерского опыта, например, с целью выразить свою благодарность почившей покровительнице и ее детям в поэтической форме — пока еще не оды или панегирика, но более привычного для бывшего диакона духовного жанра.

Календарное приурочение видения

П. Буслаев сохраняет в поэме топос календарного приурочения видения, однако отказывается от церковного календаря как меры измерения времени. Жанровая традиция обычно соотносит дату видения с каким-либо церковным праздником (Пятидесятница, Успение, Чистый понедельник и др.); в «Умозрительстве душевном» сохранена общая привязка даты смерти М.Я. Строгановой к христианской эре; в примечаниях даны отсылки к

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

астрономии и к римской традиции:

*По рождестве Христове сие дело стало,
Как солнце свой круг тогда обтекало
Тысяща седмсот тритцать третий, днем то было:
Девятой луны число девятое плыло;
А полночь десять часов как уж удалялась,
Только что десятая минута являлась.*

Можно заметить здесь числовую символику — цифры «9» и «10». Используются они П. Буслаевым в соответствии с библейской традицией: «9» — как сакральное число, не привязанное к конкретным смыслам и значениям; «10» — как «число окончания» (времени жизни баронессы) [1, с. 1387; 10, Т. 3, с. 106-107; 15, с. 407-408]. В поэме это именно числовая образность, объединенная к тому же поэтическим приемом олицетворения и детализацией, до минут, астрономического времени, что не встречается в средневековых видениях.

Причины и цели посещения «того света»

Основных причин/целей посещения потустороннего мира в видениях две:

- 1) нравственное исправление визионера — грешника, укрепление его в истинной вере;
- 2) желание узнать о посмертной судьбе родственников, духовно близких людей, знакомых или врагов [4, с. 66; 5; 14, с. 171-172].

В «Умозрительстве душевном» представлена вторая мотивировка: М.Я. Строганова, как считается, покровительствовала П. Буслаеву и потому может быть отнесена к духовно близким ему людям. Он сам, родственники и приближенные баронессы сразу после ее смерти воочию удостоверяются, что за свою праведную жизнь она (ее душа) «жизнь в небе получила».

Состояние визионера. Выход души из тела

Визионер может находиться в состоянии сна, в состоянии экстаза либо — редкий случай — пребывать «одновременно в двух мирах, земном и потустороннем», наблюдать «тот свет» наяву [14, с. 173]. Именно этот случай представлен в «Умозрительстве душевном», с учетом, напомним, коллективного характера видения. В 1-й части все присутствующие видят душу умирающей баронессы, а также Ангелов «душевными очами». Мотив выхода души из тела относится к топике видений [14, с. 175-176]. Новым, по сравнению с иконографией видений, является описание П. Буслаевым души в белой одежде:

*Здрава ж душа одета в платье была белом,
Бутто бы по победе к торжеству готова.*

Белый цвет здесь является, скорее всего, символом праведной жизни баронессы и торжества Жизни над Смертью, а также связан с белыми/светлыми одеждами святых на иконах и Ангелов, как они описаны в апокрифах. Ангел Смерти, который вливает «смертоносное питье» в уста «Марии в плоти», жанру видения неизвестен. Его место там может занимать Смерть, как то происходит, например, в «Житии Василия Нового»; ср. в монологе старицы Феодоры: «И потом налила чашу, непонятно что было в ней, и дала испить мне. И так была горька, что наступил час отринуть мне душу, и выскочила она из тела» (цит. по [4, с. 67]). Выход души из тела и физическая смерть М.Я. Строгановой становятся по сюжету причиной прекращения видения («Тогда душевны ума зрак у всех закрылся»). Бывшие уже визионеры начинают оплакивать усопшую и оказываются охвачены

страшным горем. Они как бы «просыпаются» (ср.: «пришед в память»), что похоже на «обмирание» и на выход из него [20], однако, в отличие от авторов средневековых видений, П. Буслаев не описывает данного состояния. В свои права здесь вступают законы других фольклорных и литературных жанров, прежде всего плача по покойнику, слова на смерть/погребение, элегии и драмы. Описание всеобщих рыданий, предельная гиперболизация выражаемых эмоций, многочисленные аллегории и риторические приемы — все это находит прямые типологические и историко-литературные параллели в драматургии и прозе 1720-1730-х гг. [3, с. 451-459].

Проводники по «тому свету». Загробное воздаяние

Данная топка имеет непосредственное отношение к проблемам эсхатологии и сотериологии — важнейшим в христианском вероучении и в жанре видения [14, с. 176-177]. Как пишет И.В. Дергачева, «особенность древнерусской эсхатологии заключалась, прежде всего, в ее интересе к индивидуальной человеческой судьбе, к жизни, смерти и спасению конкретной личности» [4, с. 82]. У П. Буслаева индивидуальное спасение его героини не просто выдвигается на первый план, но полностью заслоняет судьбы «всего мира». Этим, в частности, объясняется, почему в поэме нет картин Страшного (Всеобщего) Суда («большой эсхатологии»), ада и наказания грешников, — картин, очень распространенных в апокрифах.

Как таковых «душепроводителей» у «души Марии» в поэме П. Буслаева нет, поскольку, в сущности, нет самого путешествия на «тот свет» и полагаемых по канонам жанра «мытарств». Душа баронессы сразу предстает перед Христом и Богородицею, минуя «частный суд» («малая эсхатология»), и принимается ими в «вечную жизнь» за то, что, «живущи в мире, мира страсти все попрали», страдала от болезней и «соблюла веру». Подобное представление — о том, что душа праведника возносится на небо, где удостоивается вечного покоя и блаженства, утверждается в христианстве уже в первые века его существования [4, с. 33; 19, с. 23, 25].

Вместо проводников по «тому свету» у души Марии есть предстатели — пять ее добродетелей: крепость веры, чистая совесть, милость (милосердие), пост (постничество), Божественная любовь. Все они обращаются ко Христу, «представляя» Ему душу Марии, и просят принять ее на Небеса, говоря, что добрыми делами Марии украшена «вся лествица» «до превечного царства горняго Сиона». Пять Добродетелей М.Я. Строгановой изображены как аллегорико-эмблематические образы — происходит их поэтизация. Они персонифицированы и визуально напоминают богинь античной мифологии с различными их атрибутами: «воинским убранством», «златыми одеждами», «крилами», «мечом остро обоюдным», «мерой правой», «рогом с цветами», «жезлом железным» и пр. Вероятно также, что на их «портреты» повлияла и христианская иконография.

В ответ на их просьбы Христос принимает душу Марии «со свитою всею» на Небо — свершается воздаяние за добро, соделанное на земле, а сама М.Я. Строганова причисляется к лику святых:

*Тогда вси ангели и вси святии приступили,
К своему ея лику присовокупили.*

Описание Рая («того света»)

С христианским догматом о посмертном воздаянии напрямую связаны представления о рае и аде как местах загробного существования/пребывания душ; обозначаются эти места

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

образной формулой тот свет [6, с. 42]. В хронотопе «Умозрительства душевного» присутствует только рай. Христианские представления о его «устройстве» были разнородными; рай мог быть как «мысленным» (т. е. находиться вне времени и земного пространства), так и «чувственным», «земным» [4, с. 123-134; 19, с. 21-103]. У П. Буслаева рай — «мысленный», и многие детали и словесные формулы в его описании вполне традиционны [14, с. 178–182]: Бог пребывает «вверху», «в эмпирейских сферах»; к «небесну граду» идет «лествица»; там находится «престол» Господень; раю предшествуют «врата» и др.

Заключение

Феномен соприкосновения с трансцендентным, хорошо известный средневековым книжникам, но воспринимавшийся ими сквозь призму того или иного жанрового канона, оказался лично и индивидуально пережит писателем петровской эпохи. Став свидетелем мучительной смерти своей покровительницы, баронессы М.Я. Строгановой, Петр Буслаев выразил обретенный им экзистенциальный опыт в поэтической форме. Писать житие он, по видимому, не решился и обратился к другому популярному, но менее каноническому жанру — видению. Возникшую при этом «бытийную» проблему — визионерства — П. Буслаев преодолел по преимуществу художественными средствами, в частности, с помощью вымысла, аллегорико-эмблематической образности и поэтизации топики видения и ряда других жанров.

Литература

1. Большой библейский словарь / Уолтер Элуэлл, Филип Камфорт; [пер.: Рыбакова О.А.]. 2005. СПб.: Библия для всех. 1503 с.
2. Бухаркин П.Е. История русской литературы XVIII века (1700-1750-е годы). 2013. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 488 с.
3. Демин А.С. Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В.П. Гребенюк. 2003. М.: Языки славянской культуры. 760 с.
4. Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. 2004. М.: Кругъ. 351 с.
5. Дергачева И.В. Топосы иного мира в «Житии Василия Нового» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 33-43. DOI: 10.17759/langt.2016030404
6. Елеонская Е.Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. 1994. М.: Индрик. С. 42-50.
7. Зусева-Озкан В.Б. К истории русской поэтической наррации: прозаический автокомментарий в поэмах П. Буслаева «Умозрительство душевное» и М. Амелина «Веселая наука» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 192-207.
8. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье. Т. I / Пер., коммент. Д.С. Колчигина. 2020. М.: Издательский Дом ЯСК. 560 с.
9. Луков В.А. Предромантизм. 2006. М.: Наука. 683 с.
10. Мень А., прот. Библиологический словарь: В 3 т. 2002. М.: Фонд им. Александра Меня.
11. Панченко А.М. Буслаев Петр // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А-И). 1988. Л.: Наука. С. 136.
12. Петров А.В. Духовидческие стихи С.С. Боброва на кончину императрицы Екатерины II // Libri Magistri. 2015. Вып. 2. С. 18-26.
13. Петров А.В. «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических»

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслая «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

стихотворениях русских поэтов конца XVIII — начала XIX вв. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 3 (32). С. 108-129.

14. *Пигин А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности / Научный редактор Е.М. Юхименко. 2006. СПб.: Дмитрий Буланин. 430 с.

15. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. 2001. М.: Междунар. отношения. 560 с.

16. Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А.М. Панченко. 1970. Л.: Сов. писатель. 424 с.

17. *Сазонова Л.И.* Авторский комментарий в структуре произведения (Поэма «Умозрительство душевное» Петра Буслая) // Литературоман(н)ия: к 90-летию Юрия Владимировича Манна: сб. ст. 2019. М.: Изд-во РГГУ. С. 502-511.

18. *Сошкин Е.* «Умозрительство душевное...» Петра Буслая в системе поэтики барокко // XVIII век. Сб. 23. 2004. СПб.: Наука. С. 56-69.

19. Танатологическая тема в русской словесности XI-XXI вв. / Воропаев В.А., Дергачева И.В., Конявская Е.Л., Мильков В.В. 2021. М.: Индрик. 464 с.

20. *Толстая С.М.* Обмирание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 3. (К-П). 2004. М.: Междунар. отношения. С. 462-464.

References

1. Bol'shoj biblejskij slovar' / Walter Jeluwell, Filip Kamfort; [per.: Rybakova O.A.]. 2005. Saint Petersburg: Biblija dlja vseh. 1503 p. (In Russ.).
2. Buharkin P.E. Istorija russkoj literatury XVIII veka (1700-1750-e gody). 2013. Saint Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. 488 p. (In Russ.).
3. Demin A.S. Drevnerusskaja literatura: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII vv. ot Ilariona do Lomonosova / Otv. red. V.P. Grebenjuk. 2003. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 760 p. (In Russ.).
4. Dergacheva I.V. Posmertnaja sud'ba i «inoj mir» v drevnerusskoj knizhnosti. 2004. Moscow: Krug. 351 p. (In Russ.).
5. Dergacheva I.V. Toposes of another world in «the Life of Basil the Younger» [Elektronnyi resurs]. *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2016. Vol. 3, no. 4, pp. 33–43. DOI: 10.17759/langt.2016030404 (In Russ.).
6. Eleonskaja E.N. Predstavlenie «togo sveta» v skazochnoj tradicii // Eleonskaja E.N. Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. Sb. trudov. 1994. Moscow: Indrik, pp. 42-50 (In Russ.).
7. Zuseva-Ozkan V.B. K istorii russkoj pojeticheskoj narracii: prozaicheskij avtokommentarij v pojemah P. Buslaeva «Umozritel'stvo dushevnoe» i M. Amelina «Veselaja nauka» // Vestnik slavjanskih kul'tur. 2022. T. 65, pp. 192-207 (In Russ.).
8. Kurcius Je.R. Evropejskaja literatura i latinskoe Srednevekov'e. T. I / Per., komment. D.S. Kolchigina. 2020. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK. 560 p. (In Russ.).
9. Lukov V.A. Predromantizm. 2006. Moscow: Nauka. 683 p. (In Russ.).
10. Men' A., prot. Bibliologicheskij slovar': V 3 t. 2002. Moscow: Fond im. Aleksandra Menja (In Russ.).
11. Panchenko A.M. Buslaev Petr // Slovar' russkih pisatelej XVIII veka. Vyp. 1 (A-I). 1988. Leningrad: Nauka, p. 136 (In Russ.).
12. Petrov A.V. Duhovidcheskie stihi S.S. Bobrova na konchinu imperatricy Ekateriny II // Libri Magistri. 2015. Vyp. 2, pp. 18-26 (In Russ.).
13. Petrov A.V. «Mif tvorenija» v «metafizicheskikh» i «fiziko-teologicheskikh» stihotvorenijah

Петров А.В., Колесникова О.Ю.
Поэтизация топики жанра видения в визионерской
поэме П. Буслаева «Умозрительство душевное...»
(1734)
Язык и текст. 2023. Том 10. № 2. С. 91–99.

Petrov A.V., Kolesnikova O.Yu.
Poetization of the Topoi of the Genre of Vision in
P. Buslaev's Visionary Poem «Spiritual Vision...» (1734)
Language and Text. 2023. Vol. 10, no. 2, pp. 91–99.

russkih pojetov konca XVIII — nachala XIX vv. // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2011. № 3 (32), pp. 108-129 (In Russ.).

14. Pigin A.V. Videnija potustoronnego mira v russkoj rukopisnoj knizhnosti / Nauchnyj redaktor E.M. Juhimenko. 2006. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 430 p. (In Russ.).

15. Pohlebkin V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simvoliki i jemblematiki. 2001. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija. 560 p. (In Russ.).

16. Russkaja sillabicheskaja poezija XVII-XVIII vv. / Vstup. stat'ja, podgot. teksta i primech. A.M. Panchenko. 1970. Leningrad: Sov. pisatel'. 424 p. (In Russ.).

17. Sazonova L.I. Avtorskij kommentarij v strukture proizvedenija (Pojema «Umozritel'stvo dushevnoe» Petra Buslaeva) // Literaturoman(n)ija: k 90-letiju Jurija Vladimirovicha Manna: sb. st. 2019. Moscow: Publ. RGGU, pp. 502-511 (In Russ.).

18. Soshkin E. «Umozritel'stvo dushevnoe...» Petra Buslaeva v sisteme pojetiki barokko // XVIII vek. Sb. 23. 2004. Saint Petersburg: Nauka, pp. 56-69 (In Russ.).

19. Tanatologicheskaja tema v russkoj slovesnosti XI-XXI vv. / Voropaev V.A., Dergacheva I.V., Konjavskaja E.L., Mil'kov V.V. 2021. Moscow: Indrik. 464 p. (In Russ.).

20. Tolstaja S.M. Obmiranie // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar' v 5 t. / Pod obshej red. N.I. Tolstogo. T. 3. (K-P). 2004. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, pp. 462-464. (In Russ.).

Информация об авторах

Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, педагог дополнительного образования, МОУ «СОШ № 38 им. В.И. Машковцева», г. Магнитогорск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Колесникова Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (ФГБОУ ВО МГТУ им. Г.И. Носова), г. Магнитогорск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: 373foxy@mail.ru

Information about the authors

Aleksey V. Petrov, Doctor in Philology, Associate Professor, Teacher of Additional Education, Secondary Educational School № 38 named after V.I. Mashkovtsev, Magnitogorsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>, e-mail: alexpetrov72@mail.ru

Olga Yu. Kolesnikova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Literature, Institute of Humanitarian Education, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Magnitogorsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5819-7737>, e-mail: 373foxy@mail.ru

Получена 01.06.2023
Принята в печать 15.06.2023

Received 01.06.2023
Accepted 15.06.2023